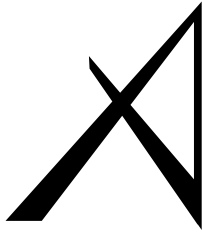

АМАЛИЯ
ЛИК

ИГРА ^ 11

МОСКВА

АМАЛИЯ
ЛИК

ИГРА ^ 11

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л56

Лик, Амалия.

Л56 Игра одиннадцати / Амалия Лик. — Москва : Эксмо, 2025. — 400 с. — (Фантастические детективы-головоломки).

ISBN 978-5-04-209949-6

Добро пожаловать в «Александрию»!

Эта игра — шанс оставить в прошлом умирающий Континент и вознестись на парящие Острова, присоединившись к «небожителям» — элите будущего.

Готовы ли вы рискнуть жизнью ради мечты?

Ева живет на Континенте и работает гончей — ищет людей для заказчиков с парящих Островов. Единственный, кого она не может найти, — ее парень Марк, пропавший четыре года назад.

Однажды Ева получает необычный заказ: в обмен на информацию о Марке она должна принять участие в популярной игре на выживание «Александрия» и вычислить убийцу среди десяти участников.

Гончая соглашается, не подозревая, что всех игроков отобрали не случайно, а игра — это ловушка...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Лик А., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-209949-6

```

001-00-00 //LOREM IPSUM (DOLOR SIT AMET) 11/2 11/2
CONJECTURUM ADIPISCING ELIT.
DOLOR DO ELLIANDU TEMPUS INCIDIDUNT UT 11/2
LABORE ET DOLOR (MAGNA ALIQUA).

002-00-00 //UT ENIM AD MINIM VENIAM QUIA
PERSICITATION ULLAMCO LABORE NISI 002/59
UT ALIQUID EX 002/59
TEA COMMOD CONSEQUAT.

003-00-00 DUIS AME LORE DOLOR 11/2
ESSE // IN REPUDIENDISSI IN VOLUPTATE VELIT 11/2
//CILLUM DOLOR EU FUGIAT NULLA PARIATUR. 11/2

004-00-00 //PERCEPTUR SINT OCCIDAT
PROBENT 409/5 CUPIDITAT NON

```

Чтобы найти
разгадку, нужно
увидеть элементы,
из которых состоит
загадка.
Она всему виной.

Разгадай шифр
и найди ответ.

Каждая цифра
имеет значение,
каждый элемент –
кусочек пазла.

```

001-00-00 //LOREM IPSUM (DOLOR SIT AMET) 11/2 11/2
CONJECTURUM ADIPISCING ELIT.
DOLOR DO ELLIANDU TEMPUS INCIDIDUNT UT 11/2
LABORE ET DOLOR (MAGNA ALIQUA).

002-00-00 //UT ENIM AD MINIM VENIAM QUIA
PERSICITATION ULLAMCO LABORE NISI 002/59
UT ALIQUID EX 002/59
TEA COMMOD CONSEQUAT.

003-00-00 DUIS AME LORE DOLOR 11/2
ESSE // IN REPUDIENDISSI IN VOLUPTATE VELIT 11/2
//CILLUM DOLOR EU FUGIAT NULLA PARIATUR. 11/2

004-00-00 //PERCEPTUR SINT OCCIDAT
PROBENT 409/5 CUPIDITAT NON

```


ГЛАВА 1

Когда умирает мечта, то тьма
заполняет опустевшее место.

Анджей Сапковский

«Неужели я умерла?» — открыв глаза, думает Ева.

Ощущение, что она сделана из камня, — спина, плечи, шея затекли, окостенели и беспощадно ноют, руки и ноги скованы холодом. Ева лежит на боку и смотрит в повисший вокруг полумрак и бетонную стену, неровную и уродливую. Чуть выше — тусклый желтый блик, падающий откуда-то сверху из-за спины.

Ева осматривает себя, на ней вновь белый костюм, от вида которого подташнивает.

Сейчас бы надеть привычные черные джинсы и толстовку, натянуть капюшон и забыть все, что она видела. Забыть о том, что сделала и не сделала.

Но эту игру ей не забыть уже никогда.

«Где я, черт возьми? Гончую саму загнали в капкан...»

Хриплый смех вырывается из гора. Она тут же обрывает его и замирает. Прислушивается — тихо. Поворачиваться страшно, но и лежать в ожидании еще хуже. Ева напрягается и медленно начинает шевелиться. Боль вспышками пронзает левое плечо, растекается по рукам и ногам.

«Еще бы. После такого-то падения».

Она закрывает глаза, пытаясь отдышаться и успокоить боль. Чувствует, как поднимается и опускается грудь. Глотает промозглый воздух и вдыхает запах низины: земли и застоялой влаги.

«На поверхности... Хотя неточно. Еще в игре? Вряд ли. Хорошо это или плохо? Черт его знает. Но я проиграла. Все было зря... Все...»

Ева пытается собрать разрозненные воспоминания в звенящей голове. В глазах от боли собираются слезы. Она смаргивает их. Сжимает ладони в кулак и разжимает, пытаясь привести себя в чувство и разогнать кровь. Опускает взгляд на голые ступни.

В метре от нее темный пустой угол. Ева медленно ведет головой в сторону, откуда исходит свет, пытаясь уловить малейшее движение.

У другого конца стены лестница с толстыми деревянными ступенями, уходящими к потолку. Такого богатства в городах не увидишь. Значит, она либо среди руин, либо... на Острове.

«Чушь! — возмущается Ева про себя. — Как бы я попала на Остров? Либо меня оставили где-то на развалинах, выбросив, как мусор. Либо игра продолжается».

Под лестницей маленькая дверь. Чуть дальше на стене квадратная металлическая решетка, за которой прячется неоновая лампа. Ее слабый невнятный свет падает на стену, заклеенную толстой мутной пленкой.

Ева опирается здоровой рукой о матрас, на котором лежит, чувствует ладонями пружинные блоки и осторожно садится.

«Дорогой матрас, с наполнением. Жаль, без подогрева», — думает Ева, поглаживая гладкую резиновую поверхность.

Осматривается: в комнате, кроме нее, никого нет.

Выдыхает с облегчением и разминает затекшие плечи и шею. Еще усилие — и она стоит на ногах, по которым проходят судороги, словно пол сделан из тысячи ледяных иголок, впивающихся в кожу. Ева вновь садится на матрас и растирает ноги, шевелит пальцами, лишь бы избавиться от этих ощущений. Когда становится легче, она вновь поднимается. Смотрит по сторонам, переминаясь с одной

ноги на другую. В дальнем углу видит белые литые подошвы. Идет к ним и примеряет. Подошвы моментально облепляют ступни, принимая нужную форму и сохраняя остатки тепла, которое еще есть в ее теле.

«Теперь я смогу бежать или хотя бы идти по руинам», — думает Ева, рассматривая себя.

Она переводит взгляд на комнату. Небольшая, как ее конура в городе, площадью метров пятнадцать. Ни одного окна, только четыре стены и лестница к потолку. Обходит матрас, лежащий на земляном утоптанном полу, и дотрагивается до шершавого холодного бетона стен. Проводит по нему рукой, стучит — звук глухой и тихий. Подходит к лестнице, смотрит вверх — в потолке небольшой квадратный люк. Никакой ручки или выемки нет. Осторожно поднимается и толкает его. Заперто.

Спускается и обходит лестницу. Аккуратно открывает дверь за ней — мизерная туалетная кабина, и ничего больше.

Ева удрученно кивает.

В горле сухо, но в комнате нет ни намека на воду. Она читала, что от обезвоживания умирать достаточно мучительно, как и от голода.

«Лучше бы меня сразу убили. Но, по-видимому, этого я пока не заслужила».

Вновь оглядывает комнату, рассматривает странную пленку, закрывающую одну стену. Мысли воронкой кружат в голове, словно останки ранее существовавшего, но полностью снесенного смерчем города.

«Черт возьми, что делать-то?»

Ей не хочется верить в реальность. Она кидается к лестнице, взбирается по ступеням, пригибается, чтоб не разбить голову об потолок. Упирается руками в неошкуренные деревянные доски, пытаясь выдавить их вверх. Наваливается всем телом, стараясь вытолкнуть дверь, но она остается неподвижной и неприступной. Кожа на руках в мелких занозах, но это не самое страшное, что с ней происходило. Далеко не самое.

Ева кричит, требуя, чтобы ее выпустили. С силой бьет по двери кулаками, все сильнее сдирая кожу. Жалкие звуки, то звонкие от ее голоса, то глухие от ударов, рикошетируют об стены. Они растворяются в пространстве погреба, в воздухе тюремной камеры, где ее заперли.

«Если это новый этап игры, то нужно понять, как его пройти», — пытается успокоить себя Ева.

Она быстро спускается, нога соскальзывает, и Ева, успев ухватиться за верхнюю ступень, оседает, ударяясь локтем. Сжимает зубы и громко вдыхает воздух, стараясь справиться с болью, от которой немеет рука.

«Нельзя показывать свою слабость, только не сейчас».

Ева прижимает к себе руку, в локте пульсирует. Она чуть раскачивается, все сильнее стискивая челюсти, стараясь не издать ни звука. Гнев подгоняет сердце неистово биться в груди. Она ощущает себя пузырьком воздуха в закупоренной бутылке игристого пойла.

«Нужно выбить эту пробку и вырваться отсюда! Как можно скорее», — думает Ева.

Через несколько минут она аккуратно сходит с лестницы и снова изучает комнату в поисках шанса на спасение или задания. Нагибается, скребет по твердой земле, проверяя, сможет ли разрыть ее. Но пол настолько утоптан и непробиваем, что мысль о том, чтобы откопать себе путь на волю, сразу отправляется в урну.

Под самым потолком в дальнем углу замечает маленькую сканирующую камеру, а в ближнем, над матрасом, динамик. Сделав всего несколько шагов, она стоит под камерой и пытается допрыгнуть до нее, но не дотягивается и кончиком пальца. Жаль, что она не в своих любимых подошвах с платформой. Плюс десять сантиметров ей бы не помешали.

«Игра должна была закончиться. Я проиграла. Но тогда какого острова меня снимают? Надо рассуждать логически. Я жива, и это не может не радовать. Значит, тот, кто меня поместил сюда, не знает, что я гончая. Или знает, и поэтому я заперта? Лучше уж надеяться, что игра

продолжается. Тогда у меня есть шанс выжить и исполнить *его* мечту. Перебраться на чертов Остров, — горько смеется Ева. — В расщелину Остров, зачем он мне? Это была *его* мечта, не моя. И чем все закончилось? Он бесследно пропал, оставил меня, обрек на такую жизнь, на вечные поиски. И вот я оказалась здесь. Ненавижу все это!»

Ева яростно стискивает зубы. Она больше не позволит себе страдать из-за него.

Разминает шею, глубоко дышит и идет к пленке. Пытается разглядеть, что под ней, но видит только смутные очертания чего-то. Ева пробует отодрать ее по краям, но та намертво приклеена к стене. Она встает у центра и впиивается в пленку пальцами — жаль, ногтей нет, все обломаны еще в игре. Мутный плотный материал неохотно растягивается в стороны. Но даже не думает рваться. Злость и беспомощность клокочут внутри, и Ева остервенело вгрызается в преграду зубами. Появляется небольшая дыра. Она протискивает в нее пальцы и начинает медленно раздирать первый слой. Под ним в самом низу находит пачку разноцветных мелков. Ева ухмыляется, она никогда не умела рисовать. Но зато прекрасно знает, что в игре не бывает случайностей. Откладывает мелки и зубами рвет второй слой. К нему с обратной стороны в разных местах приклеены пластмассовые осколки зеркала, похожие на те, что были в шариках. Только тогда их края были острыми, а сейчас, увы, никак не использовать в обороне. Она срывает их и отбрасывает на пол. Следом рвет последний слой пленки.

По краям стены болтаются лохмотья, а Ева стоит и смотрит на расклеенные по кругу листы белой искусственной бумаги с фотографиями участников игры.

— Значит, это еще не конец, — говорит она вслух, а про себя думает: «Зачем я вообще согласилась на этот заказ? Зачем пошла на игру? Все внутри меня кричало, что нужно отказаться. Я ведь всегда выполняла работу только на своих условиях. И только за деньги. Но заказчик знал, как

затуманить мою бдительность. Ради чего я была готова на все. Он знал обо мне все... Почему меня не смутило даже это? Потому что я дура. Или слишком устала за эти четыре года поисков, вот и схватилась за туманный шанс, крохотную надежду. За мечту, что никогда не исполнится. И это даже не чертова жизнь на Острове».

Она подходит ближе, изучает лица игроков.

Ее нет среди участников, зато есть чистый лист, который белым пятном вклинивается в череду цветных изображений. А в центре стены внутри замкнутого круга нарисован мелом знак вопроса.

Ева дотрагивается до фотографий. Все они мечтали, у всех были свои причины. Как и у нее. Слезы жгут глаза и текут по щекам. Рукавом толстовки Ева резко стирает с лица соленые дорожки и зажмуривается с такой силой, что белые точки выплывают в темноте. Отворачивается и только после этого открывает глаза. Веки болят от напряжения, а Ева отказывается вновь смотреть в знакомые до спазмов лица. Ярость и сожаление поднимаются из глубин, нарастают, увеличиваются, словно волны, зародившиеся от толчка в сердце моря. Разрозненные эмоции накатывают все сильнее и сильнее, от них не убежать, не отстраниться, не спастись. В этот момент нет ничего рационального, только чувства, копившиеся последние годы.

Ева бросается к стене и сдирает листы, расшвыривая их в разные стороны. Она яростно размазывает белый мел по бетону, уничтожая ни в чем не повинный знак вопроса.

— Что вам от меня надо? Что? Черт бы вас всех побрал. Чтоб вы все рухнули в расщелину! — кричит Ева, до хрипоты, до визга.

Тело дрожит от безудержного потока гнева и беспомощности. Она бежит за дверь под лестницей, и желчь вырывается наружу. Рыдания разрывают воздух, и только после этого Ева вытирает лицо, возвращается в комнату, встает на колени и непослушными дрожащими пальцами собирает листы. Прижимает их к себе и ползет к матрасу. Ложится на него и стонет в пустоту:

— Что вы от меня хотите? Где условия этого этапа? Я все еще в игре, в «Александрии»?

Из угла под потолком слышится дыхание. Ева быстро садится и нервно смотрит на динамик, словно из него в любое мгновение может появиться чудовище. Никто не появляется, только металлический голос разрывает пространство:

— Добро пожаловать в суперфинал! — И угнетающий смех разливается по комнате.

Ева сильнее прижимает к себе листы. Смыкает челюсти — от ненависти, безысходности, страха, которые обволакивают всю ее.

— Ты знаешь, почему здесь? — произносит голос.

— Нет, — хрипло, но с вызовом отвечает Ева.

— Ты проиграла в финале и по правилам «Александрии» должна была покинуть путь к мечте. Но... — Голос прерывается, словно на том конце кто-то улыбается и смакует следующие слова: — Ты заслужила еще один шанс, назовем его «Приз зрительских симпатий».

— Что я получу, если выиграю?

— Ответ, — сказал голос. — Или свободу. На твой выбор.

— Какой ответ?

Голос хмыкает.

— Марк, — произносит он. — Разве не его ты так долго искала? Это же твоя истинная мечта: узнать, что случилось с Марком четыре года назад.

Внутри Евы все замирает. Она пытается справиться с эмоциями, сглотнуть. Но в горле стоит ком, а дышать становится все тяжелее. Ева крепко сжимает сухие губы, чувствуя, как кожу рук покрывают мурашки.

— Что я должна сделать?

Никто не отвечает.

— Что мне сделать, черт возьми? — с надрывом кричит Ева. Ее голос становится непривычно высоким, приходит-ся до боли сжать челюсти, чтобы не сорваться и не послать всех, и организаторов, и зрителей, к чертовой матери.

— Сразу к делу. Люблю людей, которые не тратят время зря.

Еву трясет. Теперь она точно знает, на той стороне... Небожитель. Он использовал ту же фразу в переписке.

— Чтобы выиграть, ты, Ева, должна правильно ответить на три моих вопроса. С возвращением на путь к мечте.

ГЛАВА 2

Две недели назад

Солнце этой осенью почти не освещало Третий город на поверхности. Острова забирали себе все.

Ева валялась на разложенном резиновом диване и смотрела в ускоренном режиме исторические сводки. Это помогало не только скоротать время, но и ощутить ностальгию и вернуться в прошлое, в те дни, когда она была счастлива. Счастлива с ним.

Она увеличила скорость воспроизведения и наблюдала, как за последние семьсот лет после разделения поверхность претерпевала странные изменения. Острова же, как и раньше, безоблачно парили в небе, словно их совершенно не касалось то, что происходит внизу. На поверхности осталось всего два континента, окруженных темной и холодной океанической водой. Первому дали название «Центральный». На нем еще сохранились десять городов и тридцать мелких поселений. Ева наблюдала, как эти города судорожно росли вверх, ожесточались и погружались в неоновый свет, пока другие исчезали с лица земли в огромных черных расщелинах, испещрявших теперь всю поверхность. Второму континенту, названному «Отдаленный», повезло еще меньше. И за последние столетия он превратился в безжизненный заброшенный клочок земли где-то за океаном. Даже на записях с Островов Отдаленный описывался как сплошная бездонная пропасть, готовая поглотить все живое, что попадало на его поверхность.

Ева промотала сводку, пока не появилось изображение идеальных зеленых Островов, парящих в небе. Низкие дома, чистые улицы, солнечный свет и буйство цветов. Вот какими были недостижимые для большинства людей Острова.

«Как ты говорил? Пропасть между людьми создали не расщелины, а жители парящих Островов? Наверное, ты был прав. Как и всегда. Остров — это место, где царил идеальная заветная жизнь, но куда могли попасть только “избранные” — управленцы и богатеи. И вот эти “избранные” стали недосыгаемы. А тем, кто оказался внизу, осталось выживать в суровой реальности и молиться на видимый рай. И так поколение за поколением. Пока избранность островитян не стала данностью. Мы сами, даже не понимая этого, а может, и понимая, вырубали сердцевину мироустройства. Сместили божественные векторы, ад поднялся на поверхность, а рай спустился на парящие Острова. Ты говорил, что мы тоже станем избранными, хотя и родились на поверхности. Что достойны попасть на Остров. И чем это обернулось?»

Ева вспомнила, как лежала на коленях Марка и спорила с ним о жизни: «Где же тут развитие? И не говори мне, что в нас, Марк. Люди так и не изменились. Все те же пороки, пристрастия — все это никуда не делось. Посмотри в окно. Нас стало меньше, намного меньше. Пространства больше, бери не хочу. Но живется нам хуже и сложнее, чем предкам. Я не говорю про Острова, куда все мечтают попасть. Там, само собой, нет проблем с энергией, водой, пропитанием, лекарствами. У них роскошные дома с нелимитированными ресурсами, помощники, которые выполняют всю работу. И, конечно, спирали с капсулами для путешествий по Островам и для спуска на поверхность, где они чувствуют свое всемогущество и величие. Могут позволить себе все. А мы? Почему мы должны жить по нормам, вечно экономить, мечтать, что когда-нибудь и за нами спустится капсула и поднимет на новый Остров, не в качестве прислуги, а в роли островитян?»

В такие вечера Марк успокаивающе гладил Еву по волосам и шептал, что они будут жить на Острове, что с ее способностями и талантом совсем скоро они будут там. Он обещал заботу, счастье, другую жизнь.

Глупые несбыточные надежды. Ева все еще обитала на поверхности. И уже не мечтала перебраться в рай, в отличие от большинства горожан. Она даже не пробовала подать заявку в «Александрию». Игру, за последние два года захватившую Центральный, словно вирус. Игру, где можно выиграть путевку на Остров. Или отдать все — и даже собственную жизнь. Хотя для многих жизнь на поверхности никогда не была чем-то стоящим. Но не для Евы. Пока не пропал Марк, она жила. Теперь же день за днем ее разъедала тоска. Четыре года она дышала только одной целью — найти Марка. Почти полторы тысячи дней она видела оттенки других людей, всех, но не того, кого искала. И это было пыткой.

Ева грубо откинула старый рабочий портал, который доживал последние месяцы, а может, и дни. Подошла к окну и прижалась к нему лбом. Все вокруг вызывало уныние. Серые грязные панели стен, мрачное небо, выкалывающее каждый день свое отвращение к этому городу. И однообразные темные окна соседских домов, стоявших так близко, что казалось, они вот-вот поцелуются.

Она опустила непроницаемую панель и выдохнула. Вернулась к дивану и вновь взяла портал. Вошла в электронный кошелек и грустно взглянула на остаток.

— Пора подумать, как бы не остаться без воды и света и как не вылететь на улицу, — вздохнула Ева.

Высотка, в которой она жила, принадлежала какому-то островитянину, как и все, что осталось на поверхности. Жители Островов владели всем. А горожане могли только пользоваться этим, само собой не бесплатно.

Ей срочно нужен новый заказ, чтобы окунуться в тысячи людских оттенков, занять голову и заодно заработать на жизнь, а может, и на очередной скан.

Последние четыре года все деньги Ева тратила на поиски Марка, без раздумий, без сожалений. Она даже нашла на Острове источник, продававший ей видеосканы — записи поверхности Центрального континента, которые делали с Островов. Видео одного дня, где цветными точ-

ками мелькали жители городов, стоило невероятно дорого, но не дороже, чем надежда, подпитывавшая Еву.

Раз в месяц она покупала скан и следующие несколько недель смотрела видеофайлы, выискивая оттенок Марка среди тысяч других. Ей даже удалось достать запись того дня, когда он пропал. Его точка просто исчезла с поверхности. Будто Марка и не существовало вовсе. Словно он отправился на Остров и не вернулся. Но этого не могло быть, Марк бы не оставил ее на поверхности одну. Он бы обязательно вернулся или связался с ней. Ева помнила его запах, взгляд, горячие нежные губы и оттенок, отливавший, как ей казалось, бирюзой. У каждого человека есть свой тон, неповторимый, как отпечаток пальца. И она различала их. Жаль, что ее способности хроматика считались изъясном, ведь только хромы могли стать гончими. Что она и сделала.

Ева открыла заметки — последний заказ на поиск был три месяца назад. А потом ей дали наводку: Марка видели в Первом городе. Она тут же отдала большую часть заработка за скан. Не спала ночами, выискивая его среди десятков тысяч людей. Но так и не нашла. Стоило остановиться, но разве она могла поверить скану? Вдруг она пропустила его? Тогда Ева поехала в Первый и нашла адрес какого-то парня, который подходил под описание. Она стояла перед дверью комнаты, ее руки тряслись от предвкушения, а сердце готово было выпрыгнуть из груди. А потом чужак открыл дверь и недоуменно смотрел на Еву, которую трясло уже от разочарования. Парень был похож, безусловно. Высокий, тело накачанное, и волосы кудрявые, спадающие на лицо, пухлые губы. Но это был не Марк. Не его теплые карие глаза, не его открытая улыбка, нет ямочек на щеках.

Не он. Вновь не он.

Ева вопила внутри, когда вышла из подъезда высотки, где жил тот незнакомец. Стоны боли и разочарования рвались изнутри. Она выдохнула имя «Марк» и умчалась прочь. А потом всю ночь просидела на земле под каким-то

мостом. С рассветом собралась с силами и вернулась домой.

Несколько недель она приходила в себя, но сейчас нужно было вернуться в строй. К работе гончей.

Если бы Марк узнал, чем она теперь занимается, то вначале не поверил бы. А потом, наверное, стал презирать. Но у нее не было другого выхода. Ей нужно было научиться выживать без него... и продолжать искать. И она научилась. Стала тем, кем никогда не собиралась становиться. Использовала то, что всю жизнь старалась скрывать.

Ева была отличной гончей. Она и не подозревала, что лучше многих хромов различает оттенки людей, улавливая даже самые незначительные колебания цвета. С каждым новым заданием она все быстрее отыскивала нужную точку на скане, и дело оставалось за малым. Спустя три года в роли гончей она могла найти любого на поверхности, всего раз увидев его оттенок на записи. Но только не Марка, чей тон словно стерли с поверхности.

Работа приносила хороший заработок, но несла в себе огромный риск. Горожане ненавидели гончих, и были даже те, кто выслеживал их. Если гончего нашли, то, скорее всего, его больше никто и никогда не увидит. А причина одна — заказчики. Все готовы были работать на островитян, поклоняться им, обмусоливать, но выдавать им своих считалось предательством. Негласные правила горожан с поверхности были таковы. Если ты натворил что-то на земле — тебя найдут и осудят. А если на Острове — то так им и надо, переживут. Главное — своих не сдавать. Ева никогда не понимала такого отношения. Преступление есть преступление. Какая разница, где ты его совершил? Если ты сделал это на Острове, что помещает совершить то же самое на поверхности? Поэтому Ева брала заказы, находила нужного человека и передавала его контакты и местоположение заказчику. Что будет дальше — не ее проблемы. Нечего было нарушать закон. Таковы были ее убеждения.

Она пошла к кухонному шкафу, насыпала в чашку порошок кофеина, кинула щепотку сахарозаменителя, добавила половину ложки сухого молока, залила горячей водой из крана и сделала глоток.

«Ну и гадость!» — Ева сморщилась от кислотовато-горького месива. Но кофеин придает сил и энергии, без него никуда. А еще он глушит чувство голода. Она посмотрела в холодильный ящик — пусто. Надо бы поесть, но нет никакого желания выходить. А за доставку придется доплачивать.

Ева вернулась на диван, взяла портал и открыла новости Островов в поисках работы. Никаких преступлений и скандалов, связанных с горожанами. Иногда она сама предлагала услуги заказчикам, когда находила информацию об изменах, ссорах, конфликтах, в которых мог участвовать кто-то с поверхности. Но не в этот раз. Зашла в сеть Островов, позавидовала фотографиям незнакомых ей счастливых людей и допила отвратительный напиток.

Открыла новости с поверхности, и сразу же ей выскочил призыв в «Александрию».

«А вот и приглашение в рай. Только билетик слишком дорого стоит, — усмехнулась Ева. — Как можно жаждать попасть в игру, из которой не знаешь, вернешься или нет? Но слоганы цепляют...»

**ЕДИНСТВЕННЫЙ ШАНС!
ВСЕ ЗАВИСИТ ОТ ТЕБЯ!
ИСПОЛНИ СВОЮ МЕЧТУ!**

Ева бы повелась, наверное, если бы игра появилась... года четыре назад.

«Тот, кто придумал “Александрию” — гений».

Она еще раз посмотрела на яркую, кричащую рекламу. Ходили слухи, что создатель был с поверхности и скупил целый Остров для себя и победителей игр. Многие цитировали его самую известную фразу: «Каждый достоин начать новую жизнь». Но Ева не верила во все эти сказ-